

ПОЗОРНЫЙ НЕКРОЛОГ

Я отлично помню впечатление от этого некролога, опубликованного в «Правде» 15 мая 1956 года. Для нас, тогдашних старшекласников, он стал еще одним «потрясающим событием».

«В последние годы А.А. Фадеев страдал тяжелым прогрессирующим недугом — алкоголизмом, который привел к ослаблению его творческой деятельности. Принимаемые в течение нескольких лет различные врачебные меры не дали положительных результатов. В состоянии тяжелой душевной депрессии, вызванной болезнью, А.А. Фадеев покончил жизнь самоубийством».

Этот же вывод содержался в «Медицинском заключении о болезни и смерти товарища Фадеева Александра Александровича», опубликованном в том же номере «Правды».

Классик социалистического реализма, ставший после смерти Горького «председателем Союза писателей», кандидат в члены ЦК КПСС, председатель Комитета по присуждению Сталинских премий, и прочая, и прочая — алкоголик! Это было ни с чем несообразно, не укладывалось в голове. На чьих же произведениях нас воспитывали? С кого предлагали делать жизнь?

Много позже, когда поутех юношеский максимализм в оценках людей и событий, когда пришло прозаическое понимание того, что «все великие — смертны» и «ничто человеческое нам не чуждо», мне не давала покоя другая загадка: зачем понадобилась властям публикация такого некролога? Я даже не говорю об обычном житейском нравственном императиве: «О мертвых — либо хорошо, либо ничего». Привыкшие за годы сталинизма расправляться с живыми и мертвыми, кремлевские вожди плевали, конечно, на всякие моральные императивы. Но зачем же плевать на себя? Зачем же во всеуслышание приклеивать ярлык алкоголика человеку, которого они же сами (сами!) при жизни поместили в ареал своей системы — поставили пастырем над самыми передовыми в мире советскими писателями, ввели в свой ЦК, послали на Всемирные конгрессы защиты мира и т.п.? Чем же так провинился перед ними этот человек, что они решили забросать грязью его добровольный уход из жизни, не остановившись даже перед очевидными идеологическими издержками публикации такого некролога? Уж очень это походило на месть.

ОБВИНЕНИЕ В ГОЛУБОМ КОНВЕРТЕ

Слухи о том, что покончил самоубийством, Фадеев оставил письмом, ходили среди интеллигенции давно. Я во всяком случае слышал об этом еще в 50-х годах, когда учился в аспирантуре в Ленинградском университете. Но тогда предполагал, что стану одним из первых, кто в 1990 году будет держать это письмо в руках и даже готовить его к публикации? Но именно так, говоря старомодным языком, распорядилась судьба.

В 1989 — 1991 годах я вел архивный раздел журнала «Известия ЦК КПСС», где и было впервые (спустя 34 года после написания) напечатано предсмертное письмо Фадеева. Но прежде чем воспроизвести это письмо для читателей «Вечернего клуба», есть смысл вернуться в 13 мая 1956 года, рассказать о том, как все произошло. Предоставлю слово документу — докладной записке тогдашнему председателю КГБ И.А. Серову в ЦК КПСС. Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

ЦК КПСС

«13 мая 1956 года, примерно, в 15.00, у себя на даче, в Перedelкинском районе, выстрелом из револьвера покончил жизнь самоубийством кандидат в члены ЦК КПСС писатель ФАДЕЕВ Александр Александрович».

Предварительным расследованием установлено, что накануне, т.е. 12 мая с.г. Фадеев находился у себя на московской квартире, где имел встречу и продолжительную беседу с писателями С.Я. МАРШАК и Н. ПОГОДИНЫМ.

Вечером того же дня ФАДЕЕВ вместе с 11-летним сыном Мишей приехал на свою дачу в Перedelкино, где и находился до самоубийства.

Как показала его секретарь КНИПОВИЧ, в 12 часов дня 13 мая с.г. ФАДЕЕВ сказал ей, что после разговора с МАРШАКОМ он не мог уснуть и на него не действовали снотворные средства.

По заявлению домработницы ЛАНДЫШЕВОЙ, ФАДЕЕВ был чем-то взволнован.

Около 15 часов в кабинет ФАДЕЕВА зашел его сын Миша и обнаружил ФАДЕЕВА мертвым.

При осмотре рабочего кабинета сотрудниками КГБ ФАДЕЕВ лежал в постели раздетый с огнестрельной раной в области сердца. Здесь же на постели находился револьвер системы «Наган» с одной стрельной гильзой. На тумбочке, возле кровати, находилось письмо с адресом «В ЦК КПСС», которое при этом прилагается.

Труп ФАДЕЕВА направлен в институт Склифосовского для исследования.

Рабочий кабинет ФАДЕЕВА А.А. опечатан.

Следствие продолжается.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

И. СЕРОВ

Держа в руках небольшой голубой конверт, на котором фиолетовыми, выцветшими за годы архивного хранения чернилами было написано «В ЦК КПСС», я пытался представить, сколько же человек до меня видело и читало это письмо. По моим прикидкам выходило, что читавших было не больше десятка.

Да, слухи о письме ходили давно, но действительного содержания письма эти слухи никак не отражали. В интеллигентских кругах чаще всего говорили, что Фадеев застрелился, потому что возвращавшийся из сталинских лагерей литератор обвинил его как генерального секретаря ССП в санкционировании репрессий — арестов и гибели писателей. Этим, мол, комплекс вины и привел к самоубийству, о чем Фадеев якобы и написал в предсмертном письме.

Как увидит читатель, эти слухи даже приблизительно не совпадают с реальным содержанием письма. Стало ясно, о письме знали многие, но мало кто его читал. А тот, кто читал, умел держать язык за зубами. Я не уверен даже, что писки смелиться прочесть предсмертное письмо Фадеева, а тем более вынести его как генерального секретаря ССП в санкционировании репрессий — арестов и гибели писателей. Этим, мол, комплекс вины и привел к самоубийству, о чем Фадеев якобы и написал в предсмертном письме.

«Во двор перedelкинской дачи вехали машины... В комнату вбежал начальник тогдашнего МГБ Серов...»

«Письмо есть?» — прорычал он Ажаеву. Ажаев вынул из кармана письмо, и Серов буквально вырвал его из рук... После этого, не повернув головы в сторону несчастного самоубийцы, Серов и его приближенные так же стремительно вышли. Три черные машины заревели и скрылись. Фадеев их не интересовал. Их интересовало письмо...»

«Дайте и мы еще раз прочтем это поразительное письмо, сохраненное как есть — без всяких исправлений».

А.А. Фадеев — в ЦК КПСС 13 мая 1956 г.

Не вижу возможности дальше жить, т.к. исцеления, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии, и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не считало царским саатрапом, физические истреблены или погублены, благодаря преступному попустительству власти и интуиции; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало малюки способное создавать истинные ценности, умерло не достигнув 40 — 50 лет.

Литература — это святая святых — отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, и с с самыми (так в тексте — Н.М.) «высокими» трибунами — таких, как Московская конференция или XX-й партсъезд, раздался новый лозунг «Ату е!»! Тот путь, которым собираются «исправить» положение вызывает возмущение: собрана группа невежд, за истинно честных людей, находящихся в состоянии такой же затравленности и поэтому не могущих оказывать правду, — и выводы, глубоко античеловеческие, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозами все той же «дубинкой».

С каким чувством свободы и открытости мира входило мое поколение в литературу при Ленине, какие силы необычайные были в душе и какие прекрасные произведения мы создавали и еще могли бы создать!

Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожали, идеологически пугали и называли элитарными «нольщиками». И теперь, когда все можно было бы исправить, скажешь примитивности, невежественности — при возмутительной дозе самоуверенности — тех, кто должен был все это исправить. Литература отдана во власть людей неталантливых, мелких, злопыхатных. Единцы тех, кто сохранил в душе священный огонь, находятся в положении париев и — по вострасту своему — скоро умрут. И нет никакого уже стимула в душе, чтобы творить...

Не вижу возможности дальше жить, т.к. исцеления, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии, и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не считало царским саатрапом, физические истреблены или погублены, благодаря преступному попустительству власти и интуиции; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало малюки способное создавать истинные ценности, умерло не достигнув 40 — 50 лет. Литература — это святая святых — отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, и с с самыми (так в тексте — Н.М.) «высокими» трибунами — таких, как Московская конференция или XX-й партсъезд, раздался новый лозунг «Ату е!»! Тот путь, которым собираются «исправить» положение вызывает возмущение: собрана группа невежд, за истинно честных людей, находящихся в состоянии такой же затравленности и поэтому не могущих оказывать правду, — и выводы, глубоко античеловеческие, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозами все той же «дубинкой».

Николай МИХАЙЛОВ

ПИСЬМО ПЕРЕД САМОУБИЙСТВОМ

Вчера исполнилось 40 лет с того дня, когда застрелился Александр Фадеев. Причины его смерти на долгие годы были спрятаны в архиве Политбюро ЦК КПСС. Чего же испугались наши вожди?

Созданный для большого творчества во имя коммунизма, с шестнадцати лет связанный с партией, с рабочими и крестьянами, одаренный богом талантом незаурядным, я был полон самых высоких мыслей и чувств, какие только может породить жизнь народа, соединенная с прекрасными идеями коммунизма.

Но меня превратили в лошадь ломового извоза, всю жизнь я плыл под кляпью бездарных, неправданных, могущих быть вымышленными любым человеком, неисчислимым бюрократических дел. И даже сейчас, когда подводящий итог жизни своей, невыносимо вспоминать все то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических порок, которые обрушились на меня, — кем наш чудесный народ вправе был гордиться в силу подлинности и скромности внутренней глубоко коммунистического таланта моего. Литература — этот священный плод нового строя — унижена, затравлена, загублена. Самоуверенно нуворонив от великого ленинского учения даже тогда, когда они кланяются мне, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего чем от саатрапа — Сталина. Тот был хоть образован, а эти — невежды.

Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, ужою из этой жизни.

Последняя надежда была хот сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже 3-х лет несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять.

Прошу похоронить меня рядом с матерью моей.

Ал. Фадеев. 13/V 56.

Автор письма не заботился о стиле, орфографии и пунктуации. Давно продуманные строки не перечислялись. В письме нет ни одного зачеркивания, ни одного исправления. Не нужно было графологом, чтобы определить: письмо написано вольнодумным, возможно — торопливым, но, безусловно, трезвым человеком.

Трезвый человек, трезвые оценки... В последние годы нам приходится много читать обвинений коммунистическому режиму в партийном диктате, в истреблении, выжидании и т.п. отечественной литературы. И обвинители не слабые — Солженицын, Войнович, автор «Метрополя»... Но так проныто, так убийственно (прошу прощения за двусмысленность последнего слова), чем это сделал в своем письме коммунист Фадеев, эти обвинения не предьявлял никто. И то что был сейчас ни говорили о расцвете советской литературы защитники прошлых порядков, какие бы примеры в лице Шолохова, Леонова, А. Толстого ни приводили — я этому уже никогда не поверю. Нет, все, что было в нашей литературе талантливого, явилось по благодати коммунистической партии, которой, по словам Шолохова, «принадлежали сердца» писателей, а вопреки ее руководящей роли.

ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ СЛЕДСТВИЕ

Итак, письмо писателя на 34 года спрятали в архив, а его самого объявили алкоголиком. В этом, мол, и вся причина трагедии. Как восприняли это сообщение советские литераторы? Наверное, кто-то из них искренне переживал, допускаю, что таких было немало. Кто-то испытывал чувство неволеки и стыда. Кто-то легковверно согласился с официальным «приговором» — о запоях Фадеева знали многие. Но, думается, отечественное общественное мнение в то время мало интересовало кремлевских вождей. Что бы там ни говорили между собой послушные литературные стадо, о чем бы оно ни судачило за ресторанными столиками в ЦДЛ, можно было быть уверенным — открыто никто из них не вынет. Другое дело — мировая общественность, зарубежные писатели. Как они отреагируют на версию об алкоголизме главы советской литературы?

Соответствующим службам было дано задание — оперативно проанализировать отклики зарубежной печати на смерть Фадеева. Обобщить эти отклики в виде записки в ЦК КПСС поручили писателю Борису Полювану. Подборка таких откликов была составлена и уже 17 мая направлена в ЦК. В архиве она хранилась также под грифом «Секретно».

Надо сказать, что осторожный Б. Полювов составил подборку очень мудро — резкие, малоприятные сообщения буржуазной прессы ни отпостарался «уравновесить» более-менее лояльными откликами коммунистической и «левой» печати. Но характерно, что и те, и другие напротив отметили алкоголизм писателя как главную причину самоубийства, видя в болезни лишь следствие более глобальных причин.

Приведу выдержки из нескольких откликов французской прессы.

Эльза ТРИОЛЕ (французская писательница, родившаяся в России, жена писателя-коммуниста Луи Арагона):

«Писатель Фадеев обладал блестящими данными политического деятеля. Он проводил литературную политику, вел борьбу на литературном фронте и стал на языковую почву. Но он не писал...»

После своей первой книги «Разгром», доставившей ему славу, Фадеев начал большой роман «Последний из удаг», но так завяз в нем, что история создания романа превратилась для него самого в предмет шутки и горечи... Он был председателем Союза писателей, писатели иногда вставали против его владычества и если все же оставляли его во главе, то потому — говорили они — что в конечном счете Фадеев был все же большевик и писатель... Вот это «в конечном счете» надо было понять, что не всегда было легко.

Вспоминаю его последние слова. Я сказала ему: «Как ты думаешь, советские писатели никогда не заговорят о несчастье, постигшем их страну, об осуждении невинных, о тысячах драм?»

— Не могу тебе этого сказать, — ответил он, — это темы, которые меня соблазняют не могут, это не сюжет для меня...»

Да, Фадееву нужен был восторженный сюжет... Пройдет еще много времени, прежде чем невысказанный героизм этих невинных сможет стать предметом восхищения. Да, странно и воплущие думать, что эти невинные, эти реабилитированные коммунисты не испытывали ни горечи, ни требовательности. С их точки зрения все, что с ними произошло, — это всего лишь этап борьбы...

В ЦК КПСС

Александр Фадеев

Существует болезнь, именуемая по-русски «запоем»... Этой болезнью страдал Фадеев... Иногда я жестоко жалею его, а иногда от меня очень сердит. В последнее время я думала, что он пьет, потому что жизнь его не привлекала... Когда после XX съезда я узнала, что Фадеев почти постоянно находится в больнице, я задала себе вопрос: как же он сможет жить теперь, когда нарушено равновесие между болезнью и здоровьем?

Он не выжил».

«ЭКСПРЕСС»: «Первая жертва разоблачения культа личности»

«Пришло сообщение о самоубийстве Александра Фадеева. Этот писатель, дебютировавший замечательным романом, стал потом жертвой своих отчаянных усилий приспособиться к так называемой литературной жизни, отражавшей фактически постоянные изменения в сталинской политике».

«Разгром» Фадеева вписан золотыми буквами в молодую послевоенную литературу наряду с произведениями Бориса Пильняка или Исаака Бабеля. В дальнейшем он стал рупором, если не стражником официальной литературы... Сейчас официально сообщают, что Фадеев покончил с собой во время приступа алкоголизма. Через агентство ТАСС сверху добавлено, дабы все знали, что этот большой писатель был пьяницей... Александр Фадеев — первая жертва разоблачения культа личности».

«ФИГАРО ЛИТЕРЭ»: «Он управлял дубинкой»

«Из Москвы сообщили о смерти Александра Фадеева, известного на Западе повестью «Молодая гвардия», которой коммунистические партии создали успех в целях пропаганды. «Омнитан» превеличивает, говоря о смерти «великого писателя». Фадеев не более велик, чем Андрэ Стиль и нас.

Значение Фадеева объясняется не его творчеством. Будучи длительным генеральным секретарем Союза советских писателей, он был орудием сталинской диктатуры в области литературы... «Правда» говорит о злоупотреблении алкоголем, вполне вероятно, что властелин с изыпаниями искал убежища в алкоголе... Трагизм не пощадил советскую литературу. Есенин и Маяковский покончили с собой, потому что задышали от нарождающейся диктатуры... Ныне Фадеев умирает от смерти страшной диктатуры».

«КАРФУР»: «Алкоголизм — это следствие, а не причина»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

«ТАСС указал, что Фадеев был пьяницей, что злоупотребление алкоголем подорвало его здоровье, несмотря на лечение. Но это ничего не значит. Такая степень пьянства — это сознательное самоистребление... Это следствие, а не причина... Поэтому закономерен вопрос: в отращивании Фадеева к жизни не сыграло ли откровенно роль сожаление о том, что он расстрелял жизнь на управление своей профессией, вместо создания большого количества произведений?»

сиях автора стилизации. Прочитав Виталия Шенталинского — автора очень сильной документальной книги «Рабы свободы. В лицах истории», я сразу же захотел написать о Фадееве: «Сейчас много спорят о его роли в массовых репрессиях: одни говорят, что он губил своих коллег, другие — что защищал и спасал. Кого-то, возможно, и спас. Но, изучая архивы Лубянки, я наткнулся на документы с подписью Фадеева: «А арестом согласен...» Фадеев, радуясь расправы над Сталиным. Власть, изолируй и уничтожай неугодный ей художник, делала это по-изуистски ловко — как бы от имени самой литературы, вступая в свои черные дела самих ее служителей».

Наверное, все было гораздо сложнее. Вера в коммунизм, с которой умер Фадеев, долгое время шла у него вместе с верой в Сталина, в необходимость жертвенности во имя «завоеваний революции», в то, что «лес рубят — щепки летят». Да и кто его больше спрашивал Вал и слышавший голос вождя? Вот вы защищаете Бабеля, товарищ Фадеев? А вы знаете, товарищ Фадеев, что он говорит на допросах? Вы знаете, что он пишет в своих чистосердечных показаниях? Вы возьмите, почитайте — это вам будет интересно».

Помните, как заканчиваются «Разгром»? От отряда Левинсон почти никого не осталось, погибли лучшие бойцы-товарищи. И планчет Левинсон, но подаетель слова: «Нужно было жить и исполнять свои обязанности».

Но главная обязанность писателя — писать, а его превратили в «лошадь ломового извоза», сделав партийным функционером в партийной литературе.

Широко разрабатываемый роман «Черная металлургия» наглухо застрял. В окончании «Последнего из удаг» не верил никто в том числе сам автор.

Творческий кризис породил глубокий психологический надлом. В письме к А. Суркову, написанном из больницы за три года до смерти, в мае 1953-го, Фадеев признается:

«Я болел. Я болел не столько печенью, которая для врачей считается главной мой болезнью, сколько болел психически. Я совершенно пока что неработоспособен».

Эх, не надо было Фадееву это писать! Но ведь не мог же он знать, что это дружеское письмо Алексей Сурков переправит «в порядке личной инициативы» секретарию ЦК Поселову, а тот в свою очередь отдаст письмо Хрущеву.

«Болен психически» — отныне это станет приговором для Фадеева.

А ведь письмо писалось вовсе не для того, чтобы только пожаловаться на здоровье. В этом и последующих письмах, направленных писателям и руководителям страны, Фадеев предлагает свой проект демократизации литературного дела, ослабления партийной опеки, раскрытия писателей от бюрократических функций.

В письме к Суркову — убийственная оценка состояния советской литературы. «Врастут невыносимо пухлые, скучные до того, что скулы набок сурочиваются, романы, написанные без души, без мысли...»

«Нужна такая перестройка, — пишет Фадеев, — чтобы все ведущие писатели страны — те 30-50 человек, на которых и в центре, и в республиках может быть возложено руководство «Всесоюзным Союзом писателей, были по меньшей мере освобождены от этого бремени и чтобы их собственная работа над собственными произведениями стала их главной деятельностью».

Писатель должен писать, творить, иначе все литературное руководство — «просто издательство над литературой», делает вывод Фадеев.

Как же поступает Хрущев, прочитав письмо главного советского классика? Предлагает ему встречу? Как бы не так! Он отправляет это письмо на «экспертизу» другим руководителям — А. Суркову, К. Симонову, Н.Тихонову. «Экспертиза» была оперативно проведена. Вот какую оценку получили мысли Фадеева от соратников по творчеству. «Общая оценка состояния литературы, данная в письме А.А. Фадеева, является неправильной, — пишет Сурков, Симонов и Тихонов в своей записке Хрущеву. — Для нас ясно, что на характер и тон письма не могло не повлиять болезненное состояние, в котором находится в настоящее время А.А. Фадеев...»

Итак, для маститых писателей все было ясно. Во всем виновато «болезненное состояние» — что, мол, взять с алкоголика! «Искренне чужды человеческих душ» предпочли не заметить душевных страданий своего товарища по перу. Для них оказалось важнее создать положительное впечатление о благополучии дел в возглавляемом ими литературном ведомстве.

До самоубийства, повторяю, оставалось три года. И все эти три года Фадеев бьется в глухую стену: пишет записки в ЦК — на них не отвечают, просит на прием к руководителям страны — его не принимают, добивается ликвидации парторганизаций при секциях ЦСП — их восстанавливают.

Но особо изощренный удар был нанесен ему на XX партсъезде. И сделано это было устами Михаила Шолохова. Автор «Тихого Дона» обвинил своего, как считалось, друга в... властолюбии и бюрократизме. То есть в том, против чего в последние годы яростно боролся Фадеев. Это было вопиющим передеградированием и, несомненно, заказной акцией.

«На что мы пошли после смерти Горького? — спрашивал с трибуны съезд съездов. Мы пошли на создание коллективного руководства в Союзе писателей во главе с тов. Фадеевым, но ничего путевого из этого не вышло... Фадеев оказался достаточно властолюбивым генсеком и не захотел считаться в работе с принципом коллегиальности. Остальным секретарям работать с ним стало невозможно... А разве нельзя было в свое время сказать Фадееву: «Властолюбие в писательском деле — вещь никчемная. Союз писателей не воинская часть и уж никак не штрафной